

Гриценко Галина Дмитриевна

доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института социально-экономических
и гуманитарных исследований
Южного научного центра РАН
dom-hors@mail.ru

Gritsenko Galina Dmitrievna

D.Phil., Professor,
Senior Research Associate,
Institute for Socio-Economic and Humanities
Researches, Southern Research Center,
Russian Academy of Sciences
dom-hors@mail.ru

Лукьянцев Евгений Владимирович

dom-hors@mail.ru

Lukyantsev Evgeniy Vladimirovich

dom-hors@mail.ru

**К ВОПРОСУ
О ПОНИМАНИИ ЭКСТРЕМИЗМА
В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ [1]**

**CONCERNING
INTERPRETATION OF EXTREMISM
IN THE MODERN SCIENCE [1]**

Аннотация:

Данная статья посвящена категориальному анализу понимания экстремизма, которое сформировалось в современном научном знании. Это дало возможность говорить о целесообразности выделения трех основных компонентов в экстремизме как системном образовании: идеологическом, эмоционально-волевом и практическом.

Ключевые слова:

экстремизм, экстремистское мировоззрение, экстремистская идеология, экстремистская деятельность, экстремистские практики, экстремистская потребность, терроризм.

Summary:

The article is concerned with categorical analysis of extremism interpretation that has formed in the modern science. The author considers reasonability of distinguishing three components in the extremism as a system formation, which are: ideological, emotional and practical.

Keywords:

extremism, extremist worldview, extremist ideology, extremist activities, extremist practices, extremist need, terrorism.

В современных научных дискуссиях проблема экстремизма и борьбы с ним обсуждается достаточно широко. Актуальность рассмотрения вопросов понимания экстремизма продиктована духом современного мироустройства и миропорядка, в котором то и дело возникают вызовы со стороны адептов экстремистского толка, противостоять которым бывает подчас не просто. Для того чтобы противодействие было продуктивным, важно однозначно определиться с сущностью явления, с которым человечество столкнулось не сегодня и не вчера, но которое до сих пор не имеет четкой научной трактовки. В ситуации, когда экстремизм становится серьезной угрозой стабильности современного общества, в частности российского общества и его неотъемлемой части – Северного Кавказа, актуализируется потребность в уточнении его сущности.

В данном контексте в полной мере справедливо и жизненно утверждение Питера Т. Коулмана и Андреа Бартоли, которое они высказали в своей работе «Обращаясь к экстремизму»: «Экстремизм – это на самом деле сложное явление, несмотря на то, что его сложность часто бывает трудно увидеть и понять. Проще всего определить его как деятельность (а также убеждения, отношение к чему-то или кому-то, чувства, действия, стратегии) личности, далекие от обычных, общепринятых. В обстановке конфликта – демонстрация жесткой формы разрешения конфликта. Однако обозначение видов деятельности, людей и групп как «экстремистских», а также определение того, что следует считать «обычным» или «общепринятым» – это всегда субъективный и политический вопрос» [2, р. 2].

Говоря об истории применения понятия «экстремизм» в российской науке, следует констатировать, что первая монография, в которой этот термин фигурирует в заголовке, вышла в свет лишь в 1986 г. – это книга А.С. Грачева «Политический экстремизм» [3].

В качестве юридического термина понятие «экстремизм» впервые применено после подписания и ратификации Шанхайской конвенции от 15 июня 2001 г. «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом». Согласно данной Конвенции, экстремизм определяется как «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них» [4].

При этом важно обратить внимание на тот факт, что юридические структуры долгое время «стояли на страже» недопустимости использования термина «экстремизм» в официальных документах. В частности, проверяя конституционность Указа президента Российской Федерации от 28 октября 1992 г. «О мерах по защите конституционного строя Российской Федерации», Конституционный суд РФ, постановил: «Признать не имеющим юридического значения содержащееся в данном пункте Указа понятие «экстремистские элементы», поскольку оно не имеет определенного юридического содержания, что может при применении Указа привести к нарушению конституционных прав граждан» [5].

Итак, только с 2001 г. в отечественной науке, в том числе и политической, начинается осмысление такого явления, как экстремизм. Необходимо отметить, что первые трактовки, как правило, носили лаконичный характер. Так, в Российском энциклопедическом словаре экстремизм (от лат. *extremus* – крайний) определяется как «приверженность к крайним взглядам, мерам (обычно в политике)» [6, кн. 2, с. 1568].

Данная краткость объективно требовала уточнения и конкретизации «сверхобобщенного» определения. Именно поэтому ряд ученых, например В.В. Бирюков, посчитали необходимым сделать пояснения о том, что «под взглядами в этом определении с определенным приближением можно понимать идеологию, идейные убеждения, не всегда связанные с какими-либо практическими, тем более противоправными действиями... Меры предусматривают совершение каких-либо конкретных действий, в том числе насильственных, направленных на свержение конституционного строя или дестабилизацию ситуации в стране...» [7, с. 35].

Исследуя содержание понятия «экстремизм», было обращено внимание на то, что в работах зарубежных и отечественных исследователей проблем экстремизма, стремящихся выработать авторское определение этому терминологическому образованию, зачастую делаются акценты на той или иной особенности исследуемого явления, выступающей, по их мнению, приоритетной в конкретном контексте рассмотрения.

Так, рассуждая об экстремизме, В.И. Красиков в своей работе «В экстриме. Междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов радикального сознания» говорит о специфическом «экстремистском» мировоззрении. Он рассматривает экстремизм как систему взглядов на мир, как особую форму сознания: «Экстремизм есть, прежде всего, специфическая форма мировоззрения или система координат. Также он выражает специфическую идентичность определенных групп людей, которые находятся в ситуации открытого несогласия с нормами и ценностями доминирующей культуры. Подобная идентичность обнаруживает себя различными путями: вызывающим жизненным стилем, отличающейся одеждой, жаргоном и т.п.» [8, с. 25]. Из этого можно сделать вывод о том, что, как и любое мировоззрение, «экстремистское» обладает особым «ценностным» фундаментом, системой убеждений и взглядов, из которых строится его особая идентичность.

О важности мировоззренческой, идеологической составляющей экстремизма говорят многие исследователи. К наиболее ярким высказываниям в данном контексте можно отнести мнение В.Д. Трофимова-Трофимова: «По моему глубокому убеждению, экстремизм – это идеология допустимости использования крайних мер (экстремумов социального поведения) для получения желаемого эффекта. Оно шире всех общепринятых определений экстремизма, которые сводятся к политике. Экстремизм не ограничивается политикой и выходит далеко за его рамки, но только в политике он оказывается почему-то важным» [9]. Приведенная цитата значима для категориального анализа понятия экстремизма и тем, что в ней вырисовывается еще один аспект трактовки – это проявление экстремизма не только в политике, но и других сферах человеческой деятельности.

В рассматриваемом аспекте интересно также пояснение В.П. Журавель о роли и сущности идеологии в таком сложном и разноплановом явлении, как экстремизм: «...идеология ...экстремистской деятельности – это тот стержень, который не только сплачивает людей в организацию единомышленников, но и оправдывает данную деятельность путем создания и культивирования в организациях экстремистского толка некой «идеологической суррогатной солянки», в которой подменяются признанные в обществе ценностные ориентации, понятия справедливости и чести» [10, с. 49].

Более подробно на описании того, что входит в содержание экстремистской идеологии, остановился М.Я. Яхъяев, отметив, что «...убежденность экстремиста складывается на почве мистического откровения или интуиции, заменяющей рациональное познание реальности и логическое рассуждение, то есть на почве различного рода отклонений от нормальной логики рассуждения и познания реальности. Мы должны уточнить, что в экстремистской идеологии есть своя специфическая логика. Эта логика исходит из предвзятой, ложной идеи, а не из фактов действительности. Правда, факты она воспринимает, но лишь избирательно, и только те,

что согласуются с ее ценностными посылками, и интерпретирует эти факты не как доказательство, а как проявление, следствие ценностных посылок... Основу логики экстремиста часто составляют не принцип учета объективной реальности (принцип фрейдовского «Я») и не нормы общественной морали (принцип фрейдовского «сверх-Я»), а принцип удовольствия (принцип фрейдовского «Оно», или бессознательного). Это – логика, акцентированной конфликтности и резкого дихотомического противопоставления крайностей: свои и чужие, истина и ложь. Причем все, что не согласуется с экстремистскими убеждениями, объявляется без разбора ложью. Все, кто не разделяет экстремистских убеждений, без разбора объявляются врагами» [11].

В приведенном рассуждении ученого, что является существенным для проводимого категориального анализа, также дается описание идентичности экстремизма, которая строится на основе оппозиции «свой – чужой», «мы – они». Именно этот «объединяющий» идеологический фактор способствует созданию коллектива единомышленников с четкими представлениями об образе врага, с которым необходимо бороться всеми доступными средствами, методами, способами вплоть до крайних. Именно он – образ врага – обеспечивает «слепую» приверженность экстремизму и всему тому, что он олицетворяет.

Констатируя еще раз, что «...экстремистская идеология является базисом, основой экстремистской деятельности, – М.Я. Яхьяев сожалеет об однобокости восприятия экстремизма. – При определении экстремизма в литературе обычно акцент переносится именно на характеристику экстремистской деятельности. При этом главное внимание уделяется перечислению основных видов экстремистских действий. Однако мотивы этих действий или вообще не раскрываются, или раскрываются достаточно абстрактно и расплывчато. Нам же кажется, что значимым при определении экстремистской деятельности является не простое перечисление разновидностей конкретных действий экстремистов, а четкое указание на их идеологическую основу. Экстремистской является только такая деятельность, которая обусловлена и мотивирована экстремистской идеологией» [12].

В то же время ученый не отрицает того факта, что экстремизм есть экстремистская деятельность, которую, действительно, довольно часто многие исследователи рассматривают в качестве политической практики. В частности, по убеждению Р.Н. Гетца, экстремизм следует воспринимать как «взаимодействие оппозиционных групп и индивидов, направленное на захват и удержание политической власти или ее дестабилизацию с использованием нелегальных средств и методов, включая насилие» [13, ч. 2, с. 43–47].

Более отчетливо практическую направленность экстремизма высказал А. Сотлар. С его точки зрения, экстремизм необходимо воспринимать только в качестве политического термина, «...который детерминирует действия, не являющиеся нравственно, идеологически и политически допустимыми в соответствии с нормами (законными, конституционными, а также негласными), а также такими, которые отклоняют демократические средства управления и способы разрешения проблем, отклоняя демократический строй как таковой» [14].

В данном контексте необходимо обратиться к высказыванию В.С. Мартынова и Л.Г. Фишмана, поскольку они обосновывают, почему должно рассматривать экстремизм лишь только через экстремистские практики. Ученые утверждают: «...в самом общем приближении экстремизм (франц. *extremisme*, от лат. *extremus* – крайний) – это политическая практика, в основе которой лежат радикальные идеи, отрицающие идейно-институциональные основы данного общественно-политического устройства и призывающие к немедленному насильственному изменению легитимного конституционного строя. Следует уточнить, что понятие экстремизма – искусственное понятие современности, рожденное столкновением государств с новым комплексом вызовов морально-политического плана. При этом государство и его агенты еще не знают, как адекватно отреагировать на эти вызовы своей легитимности, начиная смешивать разные явления и порождая новые объяснительно бесполезные сущности, такие как «экстремизм»! Таким образом, мы исходим из того, что экстремизм не может быть учением, но лишь видом различных практик, таких как геноцид, этноцид, терроризм. То есть могут существовать радикальные политические учения, которые периодически переходят в экстремизм на практике. Поэтому можно говорить лишь об экстремистских практиках, а в классификации политических учений и в законодательстве не может быть некоего экстремистского политического мышления или экстремистской идеологии» [15].

Безусловно, с аргументацией исследователей можно согласиться, но лишь в том, что современное государство не знает, как адекватно реагировать на новоиспеченный комплекс вызовов морально-политического плана. Если же придерживаться предлагаемого вышеуказанными учеными взгляда на экстремизм, то вопрос: что «заставляет» людей совершать экстремистские действия? – остается открытым. Ведь не зная глубинных причин возникновения экстремистских практик, трудно, а точнее невозможно адекватно вести борьбу с такими явлениями,

как погромы, убийства «иных / чужих» людей, террористические акты и многое другое, что подпадает под понятие «экстремизм».

Вообще насильственные действия экстремистов по отношению к инакомыслящим нередко называют терроризмом (от лат. – «ужас»), который во многих случаях, как полагает значительное число исследователей, выступает неизбежным спутником экстремизма. Примечательным в этом плане примером может послужить утверждение, высказанное И.Н. Сениным: «...терроризм есть деятельность, осуществляемая в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, либо оказания воздействия на принятие решений органами власти. Таким образом, терроризм – средство, используемое экстремистами, а не обособленное явление. Следовательно, терроризм – одна из форм проявления экстремизма» [16, с. 78–81].

Понимание экстремизма через социально-политическую практику находит отражение и в законодательных актах современных государств, и в международных документах, в которых фиксируются меры по борьбе с экстремизмом. Неслучайно в официальных материалах Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) экстремизм определяется как «такая форма политической деятельности, которая прямо или косвенно отвергает принципы парламентской демократии и стремится изменить ее правила прихода к власти» [17].

В этом же ключе определение экстремизма отображается в статье 1 Федерального Закона № 114-ФЗ Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности». В данном документе отождествляются понятия «экстремизм» и «экстремистская деятельность», которая раскрывается с помощью перечня конкретных действий, включающего более десятка пояснений, что следует понимать под экстремистской деятельностью. Вот некоторые из них:

1. Деятельность общественных, религиозных или иных объединений, средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий направленных на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности РФ, подрыв безопасности РФ, захват или присвоение властных полномочий, создание незаконных вооруженных формирований, осуществление террористической деятельности, возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или с призывами к насилию.

2. Публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или совершению указанных действий.

3. Финансирование указанной деятельности либо иное содействие ее осуществлению [18].

Возможно, именно такое узкопрактическое понимание экстремизма осложняет борьбу государств с этим явлением современности и обостряет проблему эффективности государственной политики в данной сфере.

В связи с неуспешностью противодействия экстремизму в последнее время возобновляется интерес к проблеме экстремизма в рамках социально-психологического научного направления. Активизация экстремистских действий в современном мире актуализировала внимание к их субъективной стороне, что дало возможность, в частности Л.Я. Гозману и Е.Б. Шестопалу, определить экстремизм как «форму политической позиции индивида, характеризующейся сильным эмоциональным компонентом» [19, с. 141], поскольку, по утверждению Н.Н. Афанасьева, он «...вырастает из крайностей восприятия явлений общественной жизни» [20, с. 20].

Такой акцент в осмыслении природы экстремизма базируется на аргументации об особенностях природы человека. По мнению В.Т. Лисовского, «...в самой природе человека заложено стремление к экстремальности, как побудительного мотива, принуждающего его к постоянному развитию» [21, с. 214]. Неслучайно понятия «экстремизм» и «экстремальность», как прописано в словаре иностранных слов, этимологически происходят от одного корня [22]. В.А. Соснин в своей книге «Психологии современного терроризма» справедливо утверждает, что «если экстремальность имеет природно-побудительный (естественный) характер, то экстремизм всегда содержит личностное начало, а экстремистское поведение всегда отмечено своеволием и эгоцентризмом» [23, с. 24].

Наиболее ярко личностно-психологические основы экстремизма, по мнению М.Я. Яхьяева, прослеживается в религиозном экстремизме. Вот что он по этому поводу пишет: «...экстремистская направленность, выражающаяся в принятии личностью экстремистской идеологии и перестройке всей мотивационно-поведенческой сферы в соответствии с этой экстремистской идеологией, является основной характеристикой содержания экстремизма как психического склада верующего. Важнейшую роль в структуре этой направленности играет экстремистская потребность изменения жизненной ситуации, неременной реализации сверхценной идеи социального реформаторства. Поскольку эмоциональные переживания являются неотъемлемой частью психики человека, экстремистская направленность верующего должна быть рассмотрена в связи с порождаемыми ею и сопровождающими ее эмоциональными переживаниями, которые являют-

ся существенным элементом экстремизма как специфического психического склада верующего. Механизм реализации экстремистской направленности верующего связан с особыми эмоциональными состояниями и особыми поведенческими актами» [24]. При этом ученый, говоря о приоритетности эмоциональной составляющей экстремизма, подчеркивает ее имманентную связь с идеологической составляющей. Именно «неудержимая» потребность экстремиста в изменениях в соответствии с идеологической доктриной и составляет ту платформу, которая обеспечивает переход к экстремистской практике.

Мотивационно-побудительную составляющую экстремизма рассматривает в качестве основной и А.А. Козлов в своей работе «Проблемы экстремизма в молодежной среде». Он дает следующее определение экстремизма: «Политический экстремизм – это исторически изменяющееся социально-политическое явление, выражающееся в стремлении определенных политически активных индивидов, общественных групп, властвующих элит и контрэлит воплотить в жизнь свои политические идеалы и реализовать поставленные задачи всеми доступными средствами, включая различные формы насильственного воздействия, направленные на государственную власть, общество в целом или на какие-либо его элементы, международные организации, иные страны и в перспективе все человечество в целом, а также обосновывающие и оправдывающие это насилие идеологии» [25, в. 4, с. 56].

В то же время процитированное определение понятия «экстремизм» может рассматриваться как наиболее полное и обобщенное, в котором выделяются и эмоционально-волевой компонент (стремление), и практический (различные формы насильственного воздействия), и идеологический (обосновывающие и оправдывающие это насилие идеологии), несмотря на то, что в определении А.А. Козлова акцентируется внимание на стремлении активных индивидов воплотить в жизнь свои идеалы, то есть на волевом начале экстремистского действия.

Итак, категориальный анализ столь сложного современного явления, как экстремизм позволяет говорить о возможном выделении в понимании экстремизма как минимум трех компонентов: идеологического, эмоционально-волевого и практического. При этом важно иметь в виду целостность такого осмысления экстремизма, а именно экстремизм одновременно есть и идеология (мировоззрение), и эмоционально-волевая регуляция (психологическая готовность к конкретному поведению), и практическое действие (деятельность). Только понимание того, что противодействие экстремизму необходимо вести одновременно и как минимум по трем направлениям: 1) раскрывать несостоятельность идеологии экстремизма и одновременно предлагать иную – гуманную – идеологию; 2) предлагать позитивные пути реализации стремления к экстремальности как побудительному мотиву, «принуждающему» человека, особенно молодого, к постоянному развитию; 3) привлечение максимального числа субъектов гражданского общества и государства в предупреждении экстремистской деятельности и непосредственной борьбе с экстремизмом.

Только такое осмысление, позволит обеспечить возможность более глубокого, а главное, всестороннего проникновения в сущность экстремизма, даст возможность более тщательной проработки политики борьбы и профилактики на разных этапах его проявления. Кроме того, следует осознать неоспоримый факт, что правоохранительные органы и спецслужбы осуществляют лишь борьбу с экстремизмом, но победить, а точнее изжить экстремизм может только само общество.

Ссылки и примечания:

1. Статья написана в рамках исследовательского проекта «Этнополитические основания системного менеджмента на Северном Кавказе», грант РГНФ №11-03-00070.
2. Coleman Peter T., Bartoli Andrea. Addressing Extremism. The International Center for Cooperation and Conflict Resolution (ICCCR), Teachers College, Columbia Un. // The Institute for Conflict Analysis and Resolution (ICAR), George Mason Un., 2003.
3. Грачев А.С. Политический экстремизм. М., 1986.
4. О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом: Шанхайская конвенция (заключена 15.06. 2001). Референт – правовая система нового поколения. URL: <http://www.referent.ru/1/10927> (дата обращения: 25.09.2012).
5. Постановление Конституционного суда РФ от 12 февраля 1993 г. № 3-П, п. 2. Семерка – Российский правовой портал. URL: <http://www.law7.ru/base50/part0/d50ru0055.htm> (дата обращения: 27.09.2012).
6. Российский энциклопедический словарь. М., 2001. Кн. 2.
7. Бирюков В.В. Еще раз об экстремизме // Адвокат. 2006. № 12.
8. Красиков В.И. В экстриме. Междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов радикального сознания. М., 2006.
9. Трофимов-Трофимов В.Д. Экстремизм. Трофосфера – автономный интернет-блог. URL: <http://ttrofimov.ru/2011/07/ekstremizm/> (дата обращения: 12.11.2011 г.).
10. Журавель В.П. Терроризм, экстремизм, сепаратизм. М., 2005.
11. Яхьяев М.Я. Истоки и причины существования экстремизма как негативного социального явления. Экстремизм.ру – интернет-портал. URL: <http://www.ekstremizm.ru/biblioteka/knigi/item/684-lichnostno-psihologicheskie-korni-ekstremizma> (дата обращения 15.08.2012 г.); Его же. Феномен экстремизма: методологические проблемы исследования // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. Серия политология и социология. 2011. № 1 (5). С. 18.
12. Там же.

13. Гетц Р.Н. Политический экстремизм: позиции видения в современной научной литературе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 4 (10).
14. Sotlar A. Some Problems with Definition and Perception of Extremism within Society. Интернет-портал NCJRS – National Criminal Justice Reference Service by U.S. Department of Justice. URL: <http://www.ncjrs.gov/pdffiles1/nij/Mesko/208033.pdf> (дата обращения: 15.04.2010).
15. Мартыанов В.С., Фишман Л.Г. Быть свободным или бороться с экстремизмом? // Новый мир. 2008. № 11. Журнальный зал – интернет-портал. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2008/11/ma10.html (дата обращения 06.08.2012).
16. Сенин И.Н. Экстремизм: понятие и виды // Инновационное образование и экономика. 2008. № 2 (13).
17. Рекомендация ПАСЕ от 4 октября 2005 г. № 10705 «European Muslim communities confronted with extremism» // Council of Europe Parliamentary Assembly. Официальный интернет-портал ПАСЕ. URL: <http://assembly.coe.int/> (дата обращения: 24.08.2012).
18. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 29. 04. 2008 г.) «О противодействии экстремистской деятельности» (принят Гос. Думой Федер. собр. Рос. Федерации 27 июня 2002 г.). Гарант – информационно-правовой портал. URL: <http://base.garant.ru/12127578> (дата обращения: 27.09.2012).
19. Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б. Политическая психология. Ростов-на-Дону, 1996.
20. Афанасьев Н.Н. Идеология терроризма // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 6.
21. Социология молодежи / В.Т. Лисовский и др. СПб., 1996.
22. Словарь иностранных слов / В.В. Бурцева и др. М., 2003.
23. Соснин В.А. Психология современного терроризма. М., 2010.
24. Там же.
25. Козлов А.А. Проблемы экстремизма в молодежной среде // Система воспитания в высшей школе. М., 1994. Вып. 4.

References (transliterated) and notes:

1. The article was written as a part of the research project "Ethno-political base of the system management in the North Caucasus", grant from the Russian Humanities Research Foundation №11-03-00070.
2. Coleman Peter T., Bartoli Andrea. Addressing Extremism. The International Center for Cooperation and Conflict Resolution (ICCCR), Teachers College, Columbia Un. // The Institute for Conflict Analysis and Resolution (ICAR), George Mason Un., 2003.
3. Grachev A.S. Politicheskij ekstremizm. M., 1986.
4. bor'be s terrorizmom, separatizmom i ekstremizmom: Shankhayskaya konventsiya (zaklyuchena 15.06. 2001). Referent – pravovaya sistema novogo pokoleniya. URL: <http://www.referent.ru/1/10927> (date of access: 25.09.2012).
5. Postanovlenie Konstitutsionnogo suda RF ot 12 fevralya 1993 g. № 3-П, p. 2. Semerka – Rossiyskiy pravovoy portal. URL: <http://www.law7.ru/base50/part0/d50ru0055.htm> (date of access: 27.09.2012).
6. Rossiyskiy entsiklopedicheskiy slovar'. M., 2001. Kn. 2.
7. Biryukov V.V. Eshche raz ob ekstremizme // Advokat. 2006. № 12.
8. Krasikov V.I. V ekstreime. Mezhdistsiplinarnoe filosofskoe issledovanie prichin, form i patternov radikal'nogo soznaniya. M., 2006.
9. Trofimov-Trofimov V.D. Ekstremizm. Trofosfera – avtonomniy internet-blog. URL: <http://trofimov.ru/2011/07/ekstremizm/> (date of access: 12.11.2011 g.).
10. Zhuravel' V.P. Terrorizm, ekstremizm, separatizm. M., 2005.
11. Yakh'yaev M.YA. Istoki i prichiny sushchestvovaniya ekstremizma kak negativnogo sotsial'nogo yavleniya. Ekstremizm.ru – internet-portal. URL: <http://www.ekstremizm.ru/biblioteka/knigi/item/684-lichnostno-psihologicheskie-korni-ekstremizma> (date of access 15.08.2012 g.) ; Idem. Fenomen ekstremizma: metodologicheskie problemy issledovaniya // Nauchniy vestnik Volgogradskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby. Seriya politologiya i sotsiologiya. 2011. № 1 (5). P. 18.
12. Ibid.
13. Getts R.N. Politicheskij ekstremizm: pozitsii videniya v sovremennoy nauchnoy literature // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, 2011. № 4 (10).
14. Sotlar A. Some Problems with Definition and Perception of Extremism within Society. Internet-portal NCJRS – National Criminal Justice Reference Service by US Department of Justice. URL: <http://www.ncjrs.gov/pdffiles1/nij/Mesko/208033.pdf> (date of access: 15.04.2010).
15. Mart'yanov V.S., Fishman L.G. Byt' svobodnym ili borot'sya s ekstremizmom? // Noviy mir. 2008. № 11. Zhurnal'niy zal – internet-portal. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2008/11/ma10.html (date of access 06.08.2012).
16. Senin I.N. Ekstremizm: ponyatie i vidy // Innovatsionnoe obrazovanie i ekonomika. 2008. № 2 (13).
17. Rekomendatsiya PASE ot 4 oktyabrya 2005 g. № 10705 «European Muslim communities confronted with extremism» // Council of Europe Parliamentary Assembly. Ofitsial'niy internet-portal PASE. URL: <http://assembly.coe.int/> (date of access: 24.08.2012).
18. Federal'niy zakon ot 25.07.2002 g. № 114-FZ (red. ot 29. 04. 2008 g.) «O protivodeystvii ekstremistskoy deyatel'nosti» (prinyat Gos. Dumoy Feder. sobr. Ros. Federatsii 27 iyunya 2002 g.). Garant – informatsionno-pravovoy portal. URL: <http://base.garant.ru/12127578> (date of access: 27.09.2012).
19. Gozman L.Y., Shestopal E.B. Politicheskaya psikhologiya. Rostov-na-Donu, 1996.
20. Afnas'ev N.N. Ideologiya terrorizma // Sotsial'no-gumanitarnie znaniya. 2001. № 6.
21. Sotsiologiya molodezhi / V.T. Lisovskiy, et al. SPb., 1996.
22. Slovar' inostrannykh slov / V.V. Burtseva, et al. M., 2003.
23. Sosnin V.A. Psikhologiya sovremennogo terrorizma. M., 2010.
24. Ibid.
25. Kozlov A.A. Problemy ekstremizma v molodezhnoy srede // Sistema vospitaniya v vysshey shkole. M., 1994. Issue 4.